

Равенство/тождество

— Вот ты можешь объяснить, чем равенство отличается от тождества? — Юрка задрал голову и поймал на язык пушистую снежинку. Она растаяла, и он зажмурился.

— Это п-почти одно и то же, — отвечаю я.

— В том-то и дело — почти, — придирается Юрка. — В нём ведь самая суть, ага?

Фонарь стоит за лавкой, на которой мы сидим. Свет падает на Юрку, заливая его мерцающим золотом: красную шапку-петушок, выбившиеся волосы на лбу, нос, на который только что приземлилась снежинка. Подбородок с ямочкой и длинный розовый шрам от шайбы на щеке.

Юрка сам как шайба: быстрый, шальной и травмоопасный. Летит с бешеной скоростью, отскакивает от преград и не останавливается ни на секунду. Разве что сейчас: притормозил на краешке моей жизни. А я? Не могу ответить на единственный вопрос, который его в связи со мной волнует! Может, если отвечу, он останется подольше?

— Равенство — это л-любое выражение, в котором используется з-знак «равно», — говорю я.

Юрка прекращает ловить снежинки и поворачивается ко мне. Мокрые ресницы искрятся, губы подрагивают. Кажется, ещё секунда — и он унесётся, исчезнет в снежном вихре. Юрка равно движение. Или, в крайнем случае, ожидание движения.

А чему равняюсь я?

— Т-тождество, — продолжаю я, — это равенство, которое верно при любых значениях п-переменной. Ну, к примеру: два «це» плюс три «це» равно пять «це»...

— И что из этого следует?

— В смысле?

Юрка снова ловит снежинки на язык. А я хочу, чтобы меня засыпало, завалило всем снегом мира! Не могу поддержать разговор даже на тему, в которой разбираюсь в тысячу раз лучше Юрки! У него ведь по всем предметам тройки на соплях. Виталий Дмитрич так говорит. Он и попросил меня подтянуть Юрку по алгебре. Но Юрка ни в какую не хотел заниматься. А сегодня вдруг написал, позвал пройтись. Это меня-то! Видать отец его прижал из-за оценок за полугодие. Юркин отец — тренер юношеской хоккейной команды нашего города. Жутко психованный тип.

— Всегда же есть вывод, — объясняет Юрка. — Он как бы говорит: вот вам, тупицы, пользуйтесь! А тут какой вывод?

— А, н-ну... Наверное, такой, что не все равенства являются тождествами?

Юрка замирает с запрокинутой головой и открытым ртом. Лучше бы он его закрыл, а то снег валит, как ненормальный. На Юркиной шапке, плечах и коленках целые сугробы.

Юрка мотает головой, и снег с шапки сыплется ему на лицо.

— То есть равенство может быть тождеством, а может и не быть, так?

— Ага.

— Но равенством оно от этого быть не перестаёт.

— Нет, конечно...

Юрка вскакивает, хватая меня за руку и тянет с лавки:

— Идём!

Юрка несётся впереди. Вспыхивает в островках света под фонарями и исчезает в темноте между. Я ковыляю следом, задыхаюсь, увязаю в снегу.

Между мной и Юркой — два параллельных отрезка, перечёркнутые кривой линией. Не тождество, не равенство. Неравенство.

Юрка сворачивает во двор, перемахивает через бортик хоккейной коробки.

— Давай за мной!

Я нахожу проход сбоку коробки, выхожу на лёд, растопырив руки и ноги. Вестибулярный аппарат — моё слабое место (одно из многих). Меня даже в лифте укачивает. А на льду я впадаю в панику.

Юрка разгоняется и скользит ко мне, хватая за руку, тянет в центр катка. Хорошо, что фонарь над воротами разбили, и в темноте не видно ужаса на моём лице, потому что он там определённо есть.

— Отгалкивайся!

— Я на коньках не умею!

— Так мы ж в ботинках, — смеётся Юрка.

Он встаёт ко мне спиной, говорит хвататься за его куртку, и мы едем паровозиком. Юрка-локомотив, я — ржавый вагон с углём.

Мне страшно. Страшно упасть, сломать что-нибудь, раздавить очки, спрятанные в кармане. Страшно, что Юрка срикошетит об меня и унесётся шальной шайбой неизвестно куда.

Мы падаем. Я, кажется, даже слышу, как трескаются стёкла очков, но лежу, раскинув руки, и смотрю на небо. С него медленно падают огромные снежинки.

— Ты как, норм?

— Ага.

Юрка подползает ко мне, ложится голова к голове и тоже смотрит вверх.

— Почему ты про равенства и тождества спросил? Этого даже в программе нет.

— Тогда откуда ты ответ знаешь?

— Дополнительно занимаюсь.

Юрка молчит. Снег падает. Мы дышим. Наше тепло поднимается вверх облачками, смешивается и растворяется.

— Подсмотрел в твою тетрадку. Ну, с Халком на обложке.

Ничего такого в той тетрадке нет. Я там задания к олимпиадам решаю.

— Зачем подсмотрел?

— Не знаю.

Мы лежим на льду целую вечность.

— Красиво, — вздыхает Юрка. Я думаю, он про снег, и киваю, а Юрка говорит: — Как ты эти мозголомные задачи решаешь — очень красиво.

Сердце так стучит, что лёд под нами сейчас треснет.

— Равенства бывают разными, — говорю я невпопад, — тождественными и не тождественными, верными и неверными.

Юрка пожимает плечами. Я не вижу — чувствую.

— Прямо как в жизни, ага?